

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ.

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

ВОИНСТВУЮЩІЙ ИЗРАИЛЬ.

(Недѣля у дагестанскихъ евреевъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ М. И. РУМША.

1880.

Дозволено Цензурою С.-Петербургъ, 13 Мая 1880 г.

Типографія Б. Г. Ляпольскаго, Демидовъ пер., д. № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Ночь въ горахъ.—Трагическій злодѣй Магомадь-Оглы	1
II. Кай-Булагская щель.—Фея духана.—Баба-яга—костяная нога. . .	15
III. Еврей-охотникъ, еврей абрекъ. — Битва съ леопардомъ . . .	28
IV. Оставленный Ауль	48
V. Изгнанникъ	60
VI. Еврейскій Ауль	81
VII. Израиль воинствующій у себя дома	104
VIII. Оффенбаховскіе разбойники и еврейская самокрутка	118

едѣля подѣ южнымъ солнцемъ, недѣля постоянно смѣняющихся, яркихъ впечатлѣній среди чудныхъ, горныхъ пейзажей, нигдѣ и никогда не повторяющихся.

Въ этой рамкѣ клочекъ семитскаго племени, дванымъ давно заброшенный въ Кавказскую глушь, въ среду чуждыхъ ему и даже враждебныхъ народовъ. Уголокъ завѣсы приподнять надъ борьбою, продолжавшеюся тысячелѣтїя. Видишь какъ эти обломки воинствующаго Израиля крѣпили и выростали въ смѣлыхъ и сильныхъ людей на землѣ, облитой кровью, на

скалахъ, уходящихъ въ поднебесье.

Тутъ-же рядомъ — драма изгнанїя... Обманутые мусульмане горцы, возвращающіеся изъ негостепріимной Турціи домой, чтобы умереть среди безлюдныхъ и мол-

чаливыхъ развалинъ роднаго аула, если уже нельзя жить въ этихъ полуразрушенныхъ сакляхъ, гдѣ теперь только горные орлы выютъ свои гнѣзда.

Отчего наши евреи выродились, отчего русскій Израиль развратился! Развѣ менѣе кровавая борьба досталась на долю его собратій, заброшенныхъ въ горы Дагестана, развѣ не столь-же томительно было ихъ прошлое, развѣ они не страдали, не плакали такими-же горючими слезами?.. Древній еврей тутъ весь передъ вами. Я не хочу ни ненавидѣть ни защищать. Я говорю только о томъ, что видѣлъ и затѣмъ ставлю вопросительный знакъ.

Авторъ.

I.

Ночь въ горахъ. — Трагическій злодѣй Магомадъ-оглы.

ахнетъ съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ,
а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаетъ слѣдить за изви-
вами ущелій, за гребнями горъ, за
ихъ вершинами, то выступающими
серебрянными куполами на яркой
синевѣ чистаго неба, то пропадаю-
щими вдаль, чтобы минуту спустя
опять замечаться едва различаемыми
контурами.

Грохоть ручьеѣ справа и слѣва...
Ручьи впереди, ручьи позади... Точно
попалъ въ заколдованное царство те-
кучей воды. Поневолѣ забудешь и не удобный ночлегъ
въ горахъ, и недавнюю усталъ, и неудачи на охотѣ за
каменными баранами—турами.

Или во мнѣ совершенно нѣтъ инстинктовъ охотника,

или я просто еще не усвоилъ себѣ всей прелести этой беспощадной травли—не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подымалась цѣлить въ эти красивые силуэты гордыхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамою долинъ и ущелій, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорятъ, что туръ по вѣтру не подпустить къ себѣ никакого охотника, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, онъ „головою внизъ бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги“,—не знаю. Охотники—лгуны по принципу, натуралисты, имѣютъ слабость вѣрить имъ, ну и Господь съ ними... Вѣдь рассказывалъ-же мнѣ мой милѣйшій спутникъ, Аду-Ника-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ нѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туровъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Нимврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну а теперь у васъ такихъ охотниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходитъ на туровъ изъ нашего аула. Остальнымъ и дѣла нѣтъ... Молодежь—та тоже портиться начинаетъ... Недалеко время, когда горные орлы домашними курами

станутъ, а мужи вмѣсто женщинъ дѣтей рожать начнутъ.

А все уреть!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде, горячо заговорилъ онъ, — у насъ судился народъ по адату или шаріату. Теперь русскіе своихъ судовъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулейманомъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ занимались они. Ну, а мальчикъ хорошей крови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана кинжаломъ. Что-жь-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму.

— А сколько лѣтъ убійцѣ?

— Тринадцатый только. Совсѣмъ напрасно пострадалъ, бѣдный.

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Зачѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы — кровь за кровь; молодежь смѣлость и удалство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужики были, а теперь бабами стали. Чуть что — къ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жену свою поймалъ въ кунацкой съ гостемъ. Что-жь-бы ты думалъ? съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома. — Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ — женѣ разводъ далъ и на обольстителя ея, собачій сынъ,

пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говорить, всё мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣзешь жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совсѣмъ домой не вернемся!..

А ночь дѣйствительно выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нечего было и думать пускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули-бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темнѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый — снопы золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ ночныхъ небесахъ, разливая серсбріанный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонъ одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба. Внизу, объятая туманомъ, долина какъ пропасть лег-

ла. Только какой-то огонек на самомъ днѣ ея то вспыхнетъ, то замреть...

— Костеръ тоже, пояснилъ Магома. — Тоже луны ждутъ.

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ разщелинь ползеть, растеть и клубится мгlistая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяцъ показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди зазмѣнились извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фонъ, теперь легли оттѣнки ущелій и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонѣ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный аулъ, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворотъ дороги—и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣпиться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насаждали на лѣвыя ноги, чуть дотрагиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высѣче-

ны троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенныя жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, надъ обезлюдѣвшими аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщія костры, разнося далеко, за десятки верстъ, смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣсяцъ. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заалѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣнцами утесы и скалы въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огненными морями раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблущейся мглы.

Прелестно начался этот веселый день, приветствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось, рискнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже пріостановился.

— Убійствъ было много.

— Можетъ быть, ты и хорошій человекъ, да урусь. У васъ у всѣхъ руки сильные, да души воробьиныя. Развѣ подобаешь мужу крови бояться? Развѣ не весело, когда кругомъ звенять шашки и порохомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжаломъ. Вотъ тутъ недалеко случай былъ: изъ-за плети триста человекъ зарѣзано.

— Это-же какъ? невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Со-сѣдъ у сосѣда плеть взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла „веселая игра“. Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно пріостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя „веселой игры“..